

№ 2(58)
2026

ОКТАБРЬ

ISSN 2412-8228

СООТВЕТСТВУЕТ

ГОСТ 7.56-2002

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

• РЕЕСТРОВАЯ ЗАПИСЬ РОСКОНАДЗОРА ПИ № ФС 77 - 62020 •

ИЗДАТЕЛЬСТВО: «ПРОБЛЕМЫ НАУКИ»
[HTTPS://WWW.SCIENCEPROBLEMS.RU](https://www.scienceproblems.ru)
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
[HTTPS://WWW.LEGALSCIENCE.RU](https://www.legalscience.ru)

9 772412 822006

ISSN 2412-8228 (Print)
ISSN 2541-7800 (Online)

Отечественная юриспруденция

№ 2 (58), 2026

Москва
2026

Отечественная юриспруденция

№ 2 (58), 2026

Российский импакт-фактор: 0,19

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ, ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Вальцев С.В.

Зам. главного редактора: Кончакова И.В.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Боброва Н.А. (д-р юрид. наук, Россия), *Губарева Т.И.* (канд. юрид. наук, Россия),
Жамулинов В.Н. (канд. юрид. наук, Казахстан), *Упоров И.В.* (канд. юрид. наук, д-р
ист. наук, Россия), *Чиладзе Г.Б.* (д-р юрид. наук, Грузия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Абдуллаев К.Н. (д-р филос. по экон., Азербайджанская Республика), *Алиева В.Р.* (канд. филос. наук, Узбекистан), *Акбулаев Н.Н.* (д-р экон. наук, Азербайджанская Республика), *Аликулов С.Р.* (д-р техн. наук, Узбекистан), *Ананьева Е.П.* (д-р филос. наук, Украина), *Асатурова А.В.* (канд. мед. наук, Россия), *Аскарходжаев Н.А.* (канд. биол. наук, Узбекистан), *Байтасов Р.Р.* (канд. с.-х. наук, Белоруссия), *Бакико И.В.* (канд. наук по физ. воспитанию и спорту, Украина), *Бахор Т.А.* (канд. филол. наук, Россия), *Баулина М.В.* (канд. пед. наук, Россия), *Блейх Н.О.* (д-р ист. наук, канд. пед. наук, Россия), *Боброва Н.А.* (д-р юрид. наук, Россия), *Богомолов А.В.* (канд. техн. наук, Россия), *Бородай В.А.* (д-р социол. наук, Россия), *Волков А.Ю.* (д-р экон. наук, Россия), *Гавриленкова И.В.* (канд. пед. наук, Россия), *Гарагонич В.В.* (д-р ист. наук, Украина), *Глуценко А.Г.* (д-р физ.-мат. наук, Россия), *Гриченко В.А.* (канд. техн. наук, Россия), *Губарева Т.И.* (канд. юрид. наук, Россия), *Гутникова А.В.* (канд. филол. наук, Украина), *Датий А.В.* (д-р мед. наук, Россия), *Демчук Н.И.* (канд. экон. наук, Украина), *Дивненко О.В.* (канд. пед. наук, Россия), *Дмитриева О.А.* (д-р филол. наук, Россия), *Доленко Г.Н.* (д-р хим. наук, Россия), *Есенова К.У.* (д-р филол. наук, Казахстан), *Жамулинов В.Н.* (канд. юрид. наук, Казахстан), *Жолдошев С.Т.* (д-р мед. наук, Кыргызская Республика), *Зеленков М.Ю.* (д-р полит. наук, канд. воен. наук, Россия), *Ибадов Р.М.* (д-р физ.-мат. наук, Узбекистан), *Ильинских Н.Н.* (д-р биол. наук, Россия), *Кайракбаев А.К.* (канд. физ.-мат. наук, Казахстан), *Кафтаева М.В.* (д-р техн. наук, Россия), *Киквидзе И.Д.* (д-р филол. наук, Грузия), *Клинов Г.Т.* (PhD in Pedagogic Sc., Болгария), *Кобланов Ж.Т.* (канд. филол. наук, Казахстан), *Ковалёв М.Н.* (канд. экон. наук, Белоруссия), *Кравцова Т.М.* (канд. психол. наук, Казахстан), *Кузьмин С.Б.* (д-р геогр. наук, Россия), *Куликова Э.Г.* (д-р филол. наук, Россия), *Курманбаева М.С.* (д-р биол. наук, Казахстан), *Курпаяниди К.И.* (канд. экон. наук, Узбекистан), *Линькова-Даниельс Н.А.* (канд. пед. наук, Австралия), *Лукиенко Л.В.* (д-р техн. наук, Россия), *Макаров А. Н.* (д-р филол. наук, Россия), *Мацаренко Т.Н.* (канд. пед. наук, Россия), *Мейманов Б.К.* (д-р экон. наук, Кыргызская Республика), *Мурадов Ш.О.* (д-р техн. наук, Узбекистан), *Мусаев Ф.А.* (д-р филос. наук, Узбекистан), *Набиев А.А.* (д-р наук по геонформ., Азербайджанская Республика), *Назаров Р.Р.* (канд. филос. наук, Узбекистан), *Наумов В. А.* (д-р техн. наук, Россия), *Овчинников Ю.Д.* (канд. техн. наук, Россия), *Петров В.О.* (д-р искусствоведения, Россия), *Радкевич М.В.* (д-р техн. наук, Узбекистан), *Рахимбеков С.М.* (д-р техн. наук, Казахстан), *Розыходжаева Г.А.* (д-р мед. наук, Узбекистан), *Романенкова Ю.В.* (д-р искусствоведения, Украина), *Рубцова М.В.* (д-р социол. наук, Россия), *Румянцев Д.Е.* (д-р биол. наук, Россия), *Самков А. В.* (д-р техн. наук, Россия), *Саньков П.Н.* (канд. техн. наук, Украина), *Селитренникова Т.А.* (д-р пед. наук, Россия), *Сибирцев В.А.* (д-р экон. наук, Россия), *Скрипко Т.А.* (д-р экон. наук, Украина), *Солов А.В.* (д-р ист. наук, Россия), *Стрекалов В.Н.* (д-р физ.-мат. наук, Россия), *Стукаленко Н.М.* (д-р пед. наук, Казахстан), *Субачев Ю.В.* (канд. техн. наук, Россия), *Сулейманов С. Ф.* (канд. мед. наук, Узбекистан), *Трегуб И.В.* (д-р экон. наук, канд. техн. наук, Россия), *Упоров И.В.* (канд. юрид. наук, д-р ист. наук, Россия), *Федоськина Л.А.* (канд. экон. наук, Россия), *Хитутхина Е.Г.* (д-р филос. наук, Россия), *Цицунян С.В.* (канд. экон. наук, Республика Армения), *Чиладзе Г.Б.* (д-р юрид. наук, Грузия), *Шаминина И.Г.* (канд. пед. наук, Россия), *Шаринов М.С.* (канд. техн. наук, Узбекистан), *Шевко Д.Г.* (канд. техн. наук, Россия).

Подписано в печать:

09.10.2026

Дата выхода в свет:

22.10.2026

Формат 70х100/16.

Бумага офсетная.

Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная.

Усл. печ. л. 2,356

Тираж 100 экз.

Заказ № 00294

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«Проблемы науки»

Территория

распространения:

зарубежные страны,

Российская Федерация

Журнал зарегистрирован

Федеральной службой по

надзору в сфере связи,

информационных

технологий и массовых

коммуникаций

(Роскомнадзор)

Реестровая запись

ПИ № ФС77 - 62020

Издается с 2015 года

Свободная цена

Содержание

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО.....	4
<i>Корольков И.П.</i> КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ В КОРПОРАТИВНОМ УПРАВЛЕНИИ: КОМПАЕНС-МЕХАНИЗМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ, ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И УРЕГУЛИРОВАНИЯ.....	4
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО	9
<i>Казаков А.А.</i> ПУБЛИЧНЫЕ ПРИЗЫВЫ К ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОМУ ПОВЕДЕНИЮ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ.....	9
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО.....	19
<i>Березин А.С.</i> МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИОРИТЕТОВ	19
<i>Березин А.С.</i> КОНСТИТУЦИОННО-СУДЕБНЫЙ МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	21
СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	24
<i>Ступаченко Е.В.</i> СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПА ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ К ИНФОРМАЦИОННЫМ СИСТЕМАМ.....	24

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ В КОРПОРАТИВНОМ УПРАВЛЕНИИ: КОМПЛАЕНС-МЕХАНИЗМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ, ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Корольков И.П.

*Корольков Илья Павлович – студент,
Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
г. Москва*

Аннотация: исследование посвящено конфликту интересов в системе корпоративного управления и анализу комплаенс-механизмов, направленных на его выявление, предупреждение и урегулирование. Рассматриваются подходы к определению конфликта интересов, приводится классификация видов, а также способы его предотвращения. Отдельное внимание уделено практическим трудностям реализации комплаенс-процедур, связанным с выявлением скрытых связей, формальным исполнением внутренних требований и необходимостью формирования корпоративной культуры добросовестного поведения. Сделан вывод о том, что комплексное применение комплаенс-инструментов способствует снижению коррупционных рисков и повышению эффективности корпоративного управления.

Ключевые слова: конфликт интересов, корпоративное управление, комплаенс, предотвращение коррупции, корпоративная этика.

УДК 34.096

Актуальность темы исследования обусловлена ключевой ролью корпоративного управления в обеспечении устойчивости деятельности организаций. Ситуации столкновения личных и корпоративных интересов представляют собой одну из самых часто встречающихся причин недостатков современного корпоративного управления и способны существенно подорвать устойчивое развитие организации, если они не выявлены и не урегулированы надлежащим образом.

Конфликт интересов сам по себе зачастую не является противоправным деянием, однако создаёт объективные предпосылки для коррупционных практик и потерю корпорацией независимости в принятии решений. Именно поэтому предупреждение конфликта интересов рассматривается как неотъемлемая составляющая антикоррупционной политики предприятия и как инструмент формирования добросовестного поведения управления и сотрудников, а также этической корпоративной культуры.

Проблема приобретает особую важность в условиях усложнения корпоративных структур, роста трансграничных отношений в предпринимательской деятельности и расширения круга лиц, действующих от имени и в интересах организации.

В этих условиях центральную роль в выявлении, предупреждении и урегулировании конфликтов интересов начинают играть не столько нормы позитивного права, сколько внутрикорпоративные комплаенс-механизмы - политики, процедуры раскрытия информации, институт комплаенс-офицера, системы информирования о нарушениях и механизмы разрешения возникающих конфликтов интересов.

Вместе с тем, несмотря на наличие развитой международной методологической базы, в отечественной научной литературе комплаенс-механизмы выявления и урегулирования конфликта интересов в корпоративном управлении исследованы фрагментарно. Это определяет необходимость системного анализа как теоретических основ понятия конфликта интересов, так и практических моделей его урегулирования на уровне корпоративного комплаенса.

Несмотря на наличие множества авторских определений понятия конфликта интересов, российское законодательство содержит его легальную дефиницию. Так, под конфликтом интересов «понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий)» [3]. Однако подобный подход к определению конфликта интересов исключает попадание под регулирование деятельности лиц из не перечисленных в законе – под которыми в основном понимаются лица, занимающие публичные должности (депутаты, госслужащие и т.д.). В связи с этим правовое регулирование является недостаточным для корпораций, нуждающихся в инструментах противодействия коррупции и предотвращения конфликтов интересов, препятствующих автономной деятельности организации, что и делает комплаенс контроль одним из немногих способов решить рассматриваемую проблему.

Международная торговая палата (ICC) в выпускаемых ею рекомендательных актах под конфликтом интересов понимает «особую форму коррупции, при которой лицо предоставляет самому себе неправомерное преимущество, используя свои полномочия по принятию решений в собственных интересах (либо в интересах близкого ему лица). К типичным конфликтам интересов относятся, в частности, наём родственников на работу либо оказание им предпочтения в качестве поставщиков товаров или услуг» [4, с. 10]. В отличие от определения, содержащегося в Федеральном законе «О противодействии коррупции», ICC рассматривает конфликт интересов шире – как любое необоснованное получение преимущества путем реализации принадлежащих лицу полномочий. Далее автор этой статьи будет придерживаться именно этой дефиниции.

Для выработки способов предотвращения и разрешения конфликта интересов целесообразно обратиться к их возможным фактически существующим видам. Значимая для темы настоящего исследования является классификация конфликта интересов по основанию реализованности конфликта, воспринятая как российским научным сообществом [2], так и международной практикой [5, с. 7]:

- Потенциальный – конфликт, не существующий на определенный момент времени, однако в дальнейшем способный привести к столкновению личных целей лица с интересами корпорации.

Для примера, потенциальный конфликт интересов будет иметь место в ситуации, в которой сотрудник отдела закупок компании узнаёт, что его супруга планирует открыть собственную фирму, которая в будущем могла бы участвовать в тендерах, проводимых этой компанией. На момент возникновения этой информации фирма ещё не создана и не участвует ни в каких закупочных процедурах, однако при её появлении на рынке сотрудник окажется в ситуации, где его личная заинтересованность может повлиять на объективность принимаемых им решений.

- Фактический – существующий на данный момент конфликт интересов, в реальном времени влияющий на принятие решений корпорацией.

Фактический конфликт часто реализуется в деятельности органов управления компании, которые одновременно являются совладельцами поставщика, с которым в настоящий момент заключается крупный контракт на поставку чего-либо.

- Воспринимаемый – кажущийся конфликт интересов, который в действительности не влияет на соблюдение интересов корпорации.

Воспринимаемый конфликт имеет место в ситуациях, когда заключают договор компании, фамилии директоров которых совпадают, однако более никаких личных связей между ними нет.

Уяснив природу и виды конфликта интересов в корпоративном управлении, можно перейти к методам, позволяющим воспрепятствовать их возникновению и развитию. Все лица, участвующие в деятельности корпорации обязаны действовать в ее интересах, однако личные интересы часто вступают в противоречие с обязанностями лица. Эффективная система комплаенса должна быть ориентирована не только на выявление уже совершенных нарушений, но прежде всего на своевременное обнаружение и урегулирование потенциальных конфликтов интересов.

Основу эффективной комплаенс-системы составляет комплекс взаимосвязанных процедур, направленных на предотвращение возникновения конфликта интересов. Прежде всего организация должна разработать внутреннюю политику по управлению конфликтом интересов, содержащую круг субъектов регулирования, порядок раскрытия информации, обязанности работников и меры реагирования. Такая политика должна распространяться на всех сотрудников организации, включая руководителей, членов органов управления, работников, представителей и иных лиц, действующих в интересах организации. Документ должен содержать не только формально обозначенные запреты, но и алгоритмы поведения сотрудников при возникновении потенциального конфликта интересов, включая обязанность незамедлительного уведомления комплаенс-подразделения или непосредственного руководителя.

Важнейшей профилактической процедурой выступает обязательное декларирование личной заинтересованности. Наиболее эффективной представляется система регулярного раскрытия сведений о финансовых интересах, родственниках, совместной предпринимательской деятельности, владении корпоративными правами, внешнем трудоустройстве и иных обстоятельствах, способных повлиять на объективность принимаемых решений. Одновременно рекомендуется проводить обновление таких деклараций при изменении соответствующих обстоятельств, а также ежегодно подтверждать актуальность ранее представленных сведений. При этом важно отметить, что санкция за нарушение предусмотренной процедуры как дополнительный способ сделать комплаенс-контроль реально действующим не может наступать за сам факт нахождения сотрудника в ситуации конфликта интересов, потому как в противном случае мотивация добровольного заявления о случившемся, очевидно, сойдет на нет.

Следующей значимой процедурой является проведение комплаенс-проверки (due diligence) как сотрудников, так и контрагентов организации. Подобная проверка позволяет выявлять скрытые корпоративные связи, взаимозависимость участников сделок, аффилированность поставщиков, наличие родственных отношений между участниками закупочных процедур и иные обстоятельства, способные повлиять на объективность принятия решений.

Существенную роль играет организационное разделение полномочий. Комплаенс-практика предполагает исключение ситуаций, при которых одно должностное лицо одновременно инициирует, согласовывает и утверждает решения, связанные с распоряжением финансовыми ресурсами или выбором контрагентов. Распределение функций между различными подразделениями, обязательное согласование решений несколькими независимыми должностными лицами существенно снижают вероятность реализации личной заинтересованности.

При выявлении конфликта интересов предлагается использовать несколько вариантов его урегулирования.

Наиболее распространенными являются отказ от участия в принятии решения, раскрытие информации заинтересованным лицам, устранение обстоятельств,

вызвавших конфликт (например, отчуждение доли участия в организации либо отказ от подарка), а также полный отказ от совершения соответствующих действий. Выбор конкретной меры должен осуществляться комплаенс-офицером либо руководителем организации с учетом характера риска и степени возможного влияния конфликта на принимаемое решение.

Особое значение имеет функционирование специализированного комплаенс-подразделения или назначение ответственного комплаенс-офицера. Его полномочия должны включать консультирование работников, рассмотрение уведомлений о конфликте интересов, проведение внутренних проверок, организацию обучения персонала и подготовку рекомендаций руководству организации. Важно подчеркнуть необходимость независимости такого подразделения и его подотчетности высшему руководству организации, что обеспечивает объективность принимаемых решений.

Вместе с тем реализация перечисленных комплаенс-процедур сопровождается рядом объективных трудностей. Прежде всего значительную проблему представляет выявление скрытых связей между работниками, контрагентами и третьими лицами. Современные коррупционные схемы все чаще используют номинальных собственников, доверительное управление активами, офшорные структуры и цепочки взаимосвязанных юридических лиц, что существенно осложняет установление фактической заинтересованности. При этом в современных условиях «цифровизация внешней среды функционирования корпоративных структур и их внутренних бизнес-процессов оказывает влияние как на формирование условий и рисков конфликта интересов, так и на появление цифровых инструментов его предотвращения и урегулирования» [1, с. 365], а значит корпорации обладают необходимыми инструментами анализа больших данных, которые могут быть использованы для выявления сложно организованных конфликтов интересов.

Серьезной проблемой является также формальный характер исполнения комплаенс-процедур. Во многих организациях декларирование интересов сводится к заполнению типовых форм без проверки представленных сведений, а обучение работников ограничивается ознакомлением с локальными актами. Подобный подход существенно снижает профилактическое значение комплаенса и не позволяет своевременно выявлять риски.

Таким образом, комплаенс система должна являться постоянно функционирующим механизмом выявления, оценки и минимизации рисков конфликта интересов. Его эффективность определяется сочетанием нормативного регулирования, независимого внутреннего контроля, регулярного обучения работников, применения цифровых инструментов мониторинга и формирования корпоративной культуры добросовестного поведения. Комплексная реализация рассмотренных мер позволяет обеспечить предупреждение коррупционных рисков и сохранить независимость в принятии решений корпорацией.

Список литературы

1. *Бондарчук Н.В., Спильниченко В.К., Оганезова Н.А.* Особенности корпоративного управления конфликтом интересов в условиях цифровизации // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2024. Т. 4. Вып. 3. С. 360–369.
2. *Мельников Н.К.* Анализ и учет конфликта интересов в корпоративном управлении // Аналитические инструменты коммерческих организаций в инновационной экономике: сб. науч. тр. круглого стола, посвящ. юбилейному году РГУ им. А.Н. Косыгина / под ред. А. В. Генераловой. 2020. С. 180–184.

3. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // «Российская газета», № 266, 30.12.2008.
4. ICC Business Integrity Compendium, International Chamber of Commerce (ICC) // [Электронный ресурс]. 2017. URL: <https://2go.iccwbo.org/icc-business-integrity-compendium-2017.html> (дата обращения 08.07.2026).
5. ICC Guidelines on Conflicts of Interest in Enterprises, International Chamber of Commerce (ICC) // [Электронный ресурс]. 2018. URL: <https://iccwbo.org/wp-content/uploads/sites/3/2018/08/icc-conflicts-of-interest-guidelines-july-2018.pdf> (дата обращения 08.07.2026).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

ПУБЛИЧНЫЕ ПРИЗЫВЫ К ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОМУ ПОВЕДЕНИЮ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ

Казаков А.А.

Казаков Алексей Андреевич – студент,
Санкт-Петербургский университет МВД России,
г. Санкт-Петербург

Аннотация: текущее развитие норм об ответственности за публичные призывы привело к ситуации, при которой сходная речевая форма используется в составах, различающихся по объекту охраны, предмету побуждения и условиям уголовной ответственности. В цифровой среде эта проблема усиливается: факт размещения материала в сети нередко фактически подменяет доказывание публичности и направленности умысла. По некоторым подсчетам за период последних 5 лет, в Российской Федерации наблюдается рост совокупного числа осужденных за публичные высказывания (призывы), с 318 человек в 2020 году, до 698 человек в 2023 году. В период 2024-2025 годов сформировалась тенденция по снижению количества осужденных, за счет исчерпания эффекта первичного накопления дел по новым статьям. Цель исследования состоит в разработке целостной модели квалификации публичного призыва, пригодной для анализа текстовых, аудиовизуальных и смешанных сетевых материалов. Использованы формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой и герменевтический методы. Обосновано понимание публичного призыва как уголовно-релевантного коммуникативного акта, структура которого включает автора, аудиторию, предмет побуждения и способ придания сообщению публичного характера. Установлено, что публичность и использование информационно-телекоммуникационной сети являются связанными, но не тождественными признаками: технологическая доступность сообщения не образует презумпцию его уголовно-правовой публичности. Предложен способ определения публичности, охватывающий директивную функцию высказывания, нормативно определенный предмет побуждения, параметры аудитории, контролируемые автором действия по распространению и прямой умысел. Показано, что разграничение публичного призыва, подстрекательства, склонения, вербовки, пропаганды и содействия требует исследования динамики коммуникации, а не изолированного лингвистического маркера. Сформулированы предложения по актуализации разъяснений Верховного Суда Российской Федерации и повышению фактической определенности обвинения.

Ключевые слова: публичный призыв; цифровая среда; публичность; подстрекательство; пропаганда; административная преюдиция; судебная лингвистическая экспертиза; квалификация преступлений.

УДК 343.3/7:004

Введение

Уголовно-правовой запрет высказывания требует более строгой аргументации, чем запрет непосредственного физического причинения вреда. Речь действует опосредованно: она изменяет мотивацию адресата, формирует установку, предлагает модель поведения. Именно поэтому состав публичного призыва нельзя выводить из резкости формулировок, политической окраски сообщения или его присутствия в

социальной сети. Нужна доказанная коммуникативная функция. Иначе уголовная превенция утрачивает границы.

Особенная часть УК РФ содержит разветвленную систему норм, в которых запрещенное поведение полностью либо частично выражено посредством побуждающей коммуникации - указанное мы можем наблюдать в ст.ст. 205.2, ч. 3 ст. 212, 280, 280.1, 280.4, 284.2 и 354, УК РФ. Эти составы охраняют разные общественные отношения. Они по-разному определяют адресата, предмет обращения, публичность, квалифицирующий сетевой способ и административную преюдицию. В 2025 г. статьи 284.2 и 284.3 были дополнены квалифицированными составами, связанными с корыстными побуждениями или наймом, что дополнительно изменило внутреннюю архитектуру уголовно-правовых запретов [4; 17].

В науке уголовного права исследуются отдельные составы и их соотношение с институтом соучастия. Так, О.В. Костылева показала историко-догматическую автономию публичных призывов по отношению к подстрекательству [10, с. 159–178]. Судебно-экспертная теория разработала приемы выявления предмета высказывания, его направленности и коммуникативной функции [11]. Однако сохраняется исследовательская лагуна: отсутствует единая модель, которая одновременно объясняла бы юридическую структуру призыва, специфику сетевой публичности и переход массового обращения в индивидуализированное вовлечение. Из-за этого правовая оценка нередко начинается не с предмета побуждения, а с общего впечатления от публикации.

Рабочая гипотеза исследования состоит в следующем: публичный призыв следует квалифицировать как целостный коммуникативный акт, а не как набор «опасных» слов. Его состав образуется взаимодействием четырех элементов — автора, аудитории, предмета побуждения и способа публичного распространения. Сетевой канал лишь модифицирует последний элемент. Он не заменяет остальные.

В статье мы сформируем коммуникативно-правовую модель публичного призыва и выведем из нее последовательный алгоритм квалификации. Научная новизна заключена не в очередном перечне признаков отдельных статей, а в переносе центра анализа с лексической формы на структуру взаимодействия между автором и адресатами. Этот подход позволяет связать материально-правовые и доказательственные вопросы в единой системе.

Методология

Нормативный массив исследован по состоянию на 28 июля 2026 г. Основу составили положения Конституции Российской Федерации, УК РФ и КоАП РФ, Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», постановлений Пленума Верховного Суда РФ № 11, № 1 и № 37 [1; 4–9]. Формально-юридический метод применен для установления конструктивных признаков составов и правил конкуренции. Системно-структурный — для сопоставления призыва с подстрекательством, склонением, вербовкой, пропагандой и содействием. Герменевтический метод использован при разграничении семантического содержания высказывания и его юридической оценки. Сравнительно-правовой анализ ограничен функционально сопоставимыми решениями: американским тестом непосредственного противоправного действия, британской моделью поощрения терроризма и германским общим составом публичного призыва [13–15].

В своем исследовании мы опирались на материалы судебной практики (было изучено девять уголовных дел, возбужденных в разных субъектах Российской Федерации), учитывая, что при изучении рассматриваемой проблемы важнее не число дел само по себе, а воспроизводимость юридических критериев. Эмпирическими индикаторами служат нормативные формулы, разъяснения высших судов и типовые конфигурации цифровой коммуникации: открытая публикация, закрытый канал, массовая рассылка, личная переписка, репост с комментарием и алгоритмическое расширение аудитории.

Результаты

1. Публичный призыв как уголовно-релевантный коммуникативный акт

Слово или грамматическая конструкция не обладают самостоятельной уголовно-правовой природой. Императив может быть цитатой, предметом критики, художественным приемом или частью учебного примера. И напротив, побуждение способно выражаться без повелительного наклонения — через инфинитив, вопрос, лозунг, условную конструкцию, оценочное утверждение, которое в конкретной ситуации выполняет директивную функцию. Правовое значение возникает именно у высказывания, включенного в коммуникацию.

Предлагаемая нами модель включает четыре элемента.

Первый — автор как субъект осознанного речевого поведения. Здесь исследуются авторство, понимание содержания, отношение к доступности материала и цель воздействия.

Второй — аудитория: ее состав, способ формирования, изменчивость, открытость и связь с автором.

Третий — предмет побуждения, то есть поведение, к которому предлагается перейти. Именно он определяет выбор уголовно-правовой нормы.

Четвертый — способ придания сообщению публичного характера: выступление, публикация, рассылка, администрирование канала, закрепление материала, платное продвижение, повторное размещение.

Предлагаемая модель отличается от традиционного поиска «призывной лексики». Она требует ответить, кто воздействовал, на кого, к чему побуждал и каким образом сделал обращение доступным соответствующей аудитории. Эти вопросы образуют единый предмет доказывания. Выпадение любого звена меняет квалификацию: отсутствие установленного автора исключает персональную ответственность; индивидуализированный адресат приближает деяние к подстрекательству или вовлечению; неопределенный предмет не позволяет выбрать специальную норму; закрытое личное сообщение не отвечает требованию публичности там, где оно предусмотрено законом.

Таблица 1. Элементы коммуникативно-правовой модели публичного призыва.

Элемент	Ключевой вопрос	Юридически значимые данные
Автор	Кто создал или распространил обращение и с какой целью?	Авторство; комментарии; действия до и после публикации; контроль доступа; взаимодействие с адресатами.
Аудитория	Кому фактически и предполагаемо адресовано сообщение?	Открытость ресурса; порядок вступления; устойчивость состава; число и характер адресатов; возможность пересылки.
Предмет побуждения	Какое поведение предлагается совершить?	Директивная семантика; нормативная определенность действия; связь с террористической, экстремистской или иной указанной в законе деятельностью.

Элемент	Ключевой вопрос	Юридически значимые данные
Способ публичного распространения	Какими действиями автор обеспечил доступность обращения?	Публикация; массовая рассылка; закрепление; повторное размещение; продвижение; настройка видимости; администрирование сообщества.

Такое понимание корреспондирует позиции Пленума Верховного Суда РФ: публичный призыв определяется как обращение к другим лицам с целью побудить их к соответствующей деятельности, а вопрос о публичности разрешается с учетом места, способа, обстановки и иных обстоятельств [7, п. 4]. В цифровой среде дополнительно исследуются форма и содержание материала, контекст страницы, комментарии автора, действия по расширению аудитории и поведение после размещения [7, п. 8]. Следовательно, судебное разъяснение уже содержит элементы структурного анализа; задача доктрины — соединить их в непротиворечивую модель.

2. Публичность и сетевой способ: признаки разного порядка

Наиболее распространенная ошибка цифровой квалификации — отождествление сетевого размещения с публичностью. Между тем сеть характеризует технологическую среду, а публичность — социальную доступность обращения. Возможны как минимум четыре конфигурации: публичное внесетевое выступление; публичная сетевая публикация; непубличная сетевая переписка; формально открытый материал, фактическая доступность которого ограничена техническими или организационными условиями. Только вторая конфигурация одновременно содержит оба признака.

Открытый профиль или канал обычно свидетельствует в пользу публичности, но не исчерпывает ее доказательство. Закрытая группа также может иметь публичный характер, если вступление фактически свободно, участники не индивидуализированы, состав изменчив, а автор ориентируется на дальнейшую пересылку. И наоборот, многочисленный корпоративный чат с устойчивым персональным составом и функционально ограниченным доступом не становится публичным только из-за количества участников. Цифра не решает вопрос. Решает именно архитектура коммуникации.

Отдельного разбирательства при определении вопроса о публичности размещенной информации требует сама площадка, на которой информация была опубликована. Если пользователь разместил сообщение в открытом ресурсе, осознавая обычную возможность его распространения, расширение аудитории может учитываться при оценке общественной опасности. Однако случаи автоматического тиражирования высказывания, используемыми программными средствами интернет ресурса, не доказывают намерение автора охватить конкретный масштаб аудитории. Умысел нельзя конструировать из технического результата, полностью не контролируемого лицом. Иной вывод означал бы скрытое объективное вменение.

Особенно осторожно следует оценивать репосты, отметки «нравится» и сохранение материала. Их функциональное значение различается между платформами. Репост с собственным одобрительным комментарием способен образовать самостоятельное распространение; приватное сохранение не доводит текст до аудитории; публичная отметка может увеличивать видимость, но сама по себе не воспроизводит директивное содержание сообщения. Юридическая квалификация должна исходить из фактической функции действия, а не из его интерфейсного названия. Постановление Пленума № 37 справедливо ориентирует суды на

исследование реального способа использования сети, а не на абстрактное упоминание Интернета [9].

3. Пятиэтапный тест квалификации

Из четырехэлементной модели выводится последовательность квалификации. Ее нарушение порождает типичную ошибку: зачастую правоприменитель сначала выбирает «политически близкую» статью, а затем подгоняет под нее содержание публикации, одним из примеров может послужить Постановление Октябрьского районного суда г. Ижевска по делу № 5-2146/2022 от 25 ноября 2022 года, касающееся демонстрации лозунга «Миру — мир». Предлагаемый тест разворачивает логику в обратном направлении — от коммуникативного факта к норме.

1. Установление директивной функции. Необходимо отделить предложение действовать от описания, оценки, прогноза, цитирования и научной полемики. Контекст здесь не факультативен: одно и то же предложение способно выполнять разные речевые функции.

2. Определение предмета побуждения. Террористическая деятельность, экстремистская деятельность, нарушение территориальной целостности, массовые беспорядки, деятельность против безопасности государства, развязывание агрессивной войны и введение санкций образуют разные нормативные предметы. Общая «деструктивность» текста не заменяет их установления.

3. Исследование адресата и публичности. Выясняются доступность сообщения, порядок формирования аудитории, степень ее индивидуализации и выход коммуникации за пределы личного общения.

4. Установление контролируемого способа распространения. Фиксируются действия автора: создание публикации, выбор настроек доступа, рассылка, закрепление, продвижение, повторное размещение, модерация и взаимодействие с откликнувшимися лицами.

5. Доказывание прямого умысла и проверка конкуренции норм. После установления фактической структуры исследуются осознание публичного характера, цель побуждения, специальные и субсидиарные составы, а также возможный переход к соучастию в конкретном преступлении.

Предмет побуждения выполняет роль квалификационного «переключателя». Призыв к террористической деятельности охватывается статьей 205.2 УК РФ; к экстремистской — статьей 280 УК РФ; к деятельности против безопасности государства — статьей 280.4 УК РФ, но лишь при отсутствии перечисленных в ней специальных составов [4]. Статья 284.2 УК РФ использует термин «призывы», однако не содержит слова «публичные» и устанавливает особые условия ответственности. Статья 284.3 УК РФ вообще не относится к составам призыва: ее объективная сторона выражена в фактическом содействии исполнению решений иностранных или международных органов [4]. Такое различие демонстрирует, насколько опасна классификация по одному внешнему признаку «речевого поведения».

Статья 280.4 УК РФ особенно наглядно подтверждает необходимость последовательной проверки. Она имеет субсидиарный характер: применение возможно при отсутствии признаков статей 205.2, 280, 280.1, 280.3, 284.2 и 354 УК РФ. Следовательно, обращение нельзя квалифицировать по статье 280.4 только потому, что оно направлено «против государства». Сначала устанавливается конкретная деятельность, затем исключаются специальные нормы. Этот порядок закреплен и в актуальной редакции постановления Пленума № 11 [7].

4. Разграничение с подстрекательством и иными формами речевого воздействия

Публичный призыв и подстрекательство воздействуют на волю другого лица, но занимают разные места в механизме уголовной ответственности. Подстрекательство связано с конкретным умышленным преступлением и конкретным исполнителем. Публичный призыв образует самостоятельный оконченный состав даже тогда, когда

адресаты неизвестны и никто не приступил к предложенному поведению. Исследование О.В. Костылевой убедительно показывает, что самостоятельные составы призывов исторически восполняют пределы института соучастия, а не дублируют его [10, с. 170–175].

Одного критерия персонификации недостаточно. Массовое сообщение способно содержать точные координаты объекта, время и способ совершения преступления; личное обращение, напротив, может оставаться абстрактной политической агитацией. Поэтому разграничение требует совокупности четырех показателей: индивидуализации адресата, конкретизации преступления, устойчивости взаимодействия и последующего поведения сторон.

Таблица 2. Разграничение смежных форм коммуникативного воздействия.

Форма	Адресат	Коммуникативная функция	Связь с последующим преступлением
Публичный призыв	Группа неопределенная или аудитория	Побуждение к виду деятельности, указанному в законе	Состав окончен независимо от реакции адресатов
Подстрекательство	Конкретный исполнитель	Формирование решения совершить конкретное преступление	Ответственность связана с квалификацией и стадией преступления исполнителя
Склонение / вербовка	Индивидуализированное лицо	Вовлечение в преступление или организованную деятельность	Значимо целенаправленное взаимодействие; специальные составы могут быть оконченными без результата
Пропаганда / оправдание	Аудитория	Формирование положительной оценки, приемлемости или привлекательности идеологии и практики	Прямое предложение совершить действие не обязательно
Содействие	Исполнитель либо иностранный/иной субъект	Практическое облегчение или помощь	Необходима функциональная связь с конкретной деятельностью или исполнением решения

Цифровая коммуникация делает возможной трансформацию формы воздействия. Открытая публикация сначала обращается к неопределенной аудитории; затем один из пользователей откликается, переходит в личную переписку, получает сведения о конкретном объекте, инструкции и средства. На первом этапе возможно наличие публичного призыва, на втором — склонения, организации или пособничества.

Совокупность допустима не автоматически, а при самостоятельности действий и объектов уголовно-правовой оценки. Искусственное дробление единого эпизода столь же ошибочно, как поглощение последующего соучастия первоначальным постом.

Сходный функциональный подход необходим при разграничении призыва, пропаганды и оправдания. Призыв направлен на действие. Пропаганда формирует систему установок и привлекательность определенной идеологии; оправдание представляет практику правильной и заслуживающей поддержки. В статье 205.2 УК РФ эти формы прямо разделены [4]. Наличие эмоционального одобрения не доказывает директивную функцию, а побуждение может не сопровождаться развернутой идеологической аргументацией. Смешение форм ведет к неопределенности обвинения.

Пределы экспертной компетенции здесь особенно существенны. Эксперт вправе установить значение выражений, предмет речи, коммуникативную направленность, связь текста и изображения. Он не должен решать, имеется ли состав преступления, действовал ли автор с прямым умыслом и является ли сообщение публичным в уголовно-правовом смысле. Пленум Верховного Суда прямо запрещает постановку перед экспертом правовых вопросов, включая вопрос о наличии призывов к экстремистской деятельности [7]. Экспертиза предоставляет фактические данные. Квалифицирует суд.

5. Административная преюдиция и сохранение сетевой публикации

Ч. 1 ст. 280.1 и ч. 1 ст. 284.2 УК РФ используют административную преюдицию [4; 5]. Постановление об административном правонарушении создает обязательное юридическое состояние, но не доказывает новое преступление. Правоприменитель обязан установить новый коммуникативный акт, его содержание, автора, адресата и умысел. Механический перенос фактических выводов из административного дела противоречил бы презумпции невиновности. Актуальная редакция постановления Пленума № 11 специально подчеркивает, что обстоятельства административного производства сами по себе не предопределяют виновность по уголовному делу [7].

Наиболее спорна ситуация, когда публикация создана до административного наказания и продолжает технически храниться на платформе. Пассивная доступность прежнего текста не равнозначна новому призыву. Для уголовной ответственности необходимо доказать действие или сознательно продолжаемое поведение после возникновения преюдициального состояния: повторное размещение, изменение настроек, закрепление, рассылку, продвижение, актуализирующий комментарий. Само неиспользование функции удаления недостаточно, если закон не возлагает специальную обязанность удалить материал, а обвинение не установило фактический контроль автора.

Изменения УК РФ внесенные Федеральным законом от 21.04.2025 № 90-ФЗ усилили дифференциацию. Ч. 2 ст. 284.2 УК РФ предусматривает самостоятельную ответственность за призывы, совершенные из корыстных побуждений или по найму, без указания на административную преюдицию; аналогичный квалифицирующий состав появился в ст. 284.3 УК РФ [4; 17]. Это означает, что прежнее представление о ст. 284.2 УК РФ как целиком преюдициальной норме устарело. Мотив здесь выполняет конструктивную функцию. Правоприменитель обязан раздельно проверять признаки частей первой и второй.

Дискуссия

Предложенная модель развивает, но не отменяет традиционное разграничение публичного призыва и подстрекательства. Доктрина обоснованно связывает подстрекательство с конкретным исполнителем и конкретным преступлением [10]. Однако цифровая коммуникация показывает недостаточность статичного критерия адресата. В одном информационном эпизоде аудитория может последовательно сужаться: открытый канал — комментарии — личная переписка — закрытая

координационная группа. Поэтому объектом анализа должна быть траектория коммуникации. Это принципиальное дополнение.

Судебно-экспертный подход также нуждается в корректировке масштаба. Методики психолого-лингвистического исследования справедливо ориентированы на содержание, направленность и адресата [11]. Но юридическая модель не может ограничиться текстом как автономным объектом. Интерфейс, режим доступа, действия администратора, повторное распространение и взаимодействие с пользователями нередко имеют не меньшее значение, чем грамматика высказывания. Для поликодового (синтез вербального кода с изображением, музыкой, цветом, шрифтом, символами, видео) материала необходимо исследовать целое: визуальный ряд, звук, монтаж, подпись и комментарии. Однако «истинное намерение» не извлекается экспертом из текста; оно устанавливается судом по совокупности доказательств.

Сравнительное право подтверждает продуктивность контекстуальной оценки. Американский стандарт в области уголовного права, т.н. дело *Brandenburg v. Ohio*, связывает ограничение речи с направленностью на близкое по времени противоправное действие и вероятностью его наступления [13]. Российское право не использует столь высокий универсальный порог: многие составы являются формальными. Тем не менее американская модель напоминает о необходимости доказать функциональную связь между выражением и предлагаемым поведением. Британский *Terrorism Act 2006* оценивает прямое и косвенное поощрение с учетом того, как сообщение воспринимается разумным адресатом [14]. Германский § 111 StGB демонстрирует иной вариант систематизации — общий состав публичного призыва к противоправному деянию при сохранении специальных запретов [15].

Механическое заимствование любой модели неприемлемо. Российские нормы различаются по объектам охраны и условиям ответственности, а конституционная архитектура не совпадает с американской. Сравнение дает другое: три устойчивых требования — предметная определенность, контекстуальная оценка и разграничение массового обращения с индивидуальным вовлечением. Эти требования универсальны на функциональном уровне.

На законодательном уровне преждевременно объединять ст.ст. 280, 280.1 и 280.4 УК РФ в одну норму. Консолидация уменьшила бы казуистичность, но могла бы размыть объекты охраны, административную преюдицию и специальные квалифицирующие признаки. По нашему мнению, эффективнее было бы унифицировать судебное толкование. Представляется обоснованным дополнить разъяснения Верховного Суда единым коммуникативно-правовым тестом, применяемым с учетом диспозиции каждой статьи.

Такой тест должен требовать от обвинения пяти конкретных утверждений: какая фраза или поликодовый фрагмент выполняет директивную функцию; к какой предусмотренной законом деятельности он побуждает; кому был адресован; какими контролируемыми действиями автор обеспечил публичность; какие доказательства подтверждают прямой умысел. Отсутствие одного из пунктов нельзя компенсировать ссылкой на «общий деструктивный характер». Обвинение должно быть проверяемым.

Не следует вводить универсальный количественный порог аудитории. Сто подписчиков в свободном доступном радикальном канале и сто сотрудников в закрытом служебном чате образуют разные коммуникативные ситуации. Размер аудитории имеет доказательственное значение лишь вместе с порядком доступа, составом, устойчивостью и реальным охватом. Формальная цифра создаст иллюзию определенности и быстро превратится в объект технического обхода.

Наконец, необходимо разграничить действия пользователя и платформы. Автоматическое продвижение, выдача рекомендаций и индексация поисковой системой могут расширять фактический охват, но не должны без дополнительных данных приписываться автору как способ умышленного распространения. Иное

возможно, когда лицо целенаправленно использует механизмы продвижения: подбирает метки, оплачивает рекламу, координирует репосты, многократно публикует материал. Контроль и предвидение здесь становятся доказуемыми.

Заключение

Исследование подтверждает центральный тезис: публичный призыв представляет собой уголовно-релевантный коммуникативный акт, а не изолированную языковую конструкцию. Его правовая структура включает автора, аудиторию, предмет побуждения и способ публичного распространения. Эта четырехэлементная модель задает единый язык для анализа различных составов и цифровых форм поведения.

Публичность и сетевой способ относятся к разным уровням характеристики деяния. Первая описывает социальную доступность обращения, второй — технологический канал. Интернет не создает автоматической публичности и не доказывает умысел. Закрытая группа может быть публичной по фактической организации доступа; открытый материал может не свидетельствовать о намеренном массовом воздействии без исследования действий автора.

Предложенный пятиэтапный тест требует последовательно установить директивную функцию, нормативный предмет побуждения, аудиторию, контролируемый способ распространения и прямой умысел, после чего проверить конкуренцию специальных и субсидиарных норм. Начинать квалификацию с общей политической оценки сообщения методологически неверно.

Разграничение призыва, подстрекательства, склонения, вербовки, пропаганды и содействия должно учитывать динамику коммуникации. Персонификация адресата важна, но не исчерпывает вопрос. Юридически значимы конкретизация преступления, устойчивость взаимодействия и последующие действия. Открытая публикация способна перерасти в соучастие; каждый этап оценивается самостоятельно при наличии фактических оснований.

Административная преюдиция не снижает стандарт доказывания нового деяния. Пассивное сохранение прежней публикации не должно автоматически признаваться повторным призывом. Требуется установить новое распространение либо сознательно продолжаемое поведение после возникновения преюдициального состояния.

Практическая реализация модели предполагает актуализацию разъяснений Верховного Суда РФ, стандартизацию описания коммуникативного акта в процессуальных решениях и четкое отделение экспертной семантической оценки от юридической квалификации. Чем раньше уголовный закон переносит момент ответственности, тем строже должен быть доказательственный стандарт. Это не ограничение эффективности превенции. Это условие ее легитимности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. Официальный интернет-портал правовой информации.
2. International Covenant on Civil and Political Rights: adopted by UN General Assembly resolution 2200A (XXI), 16 December 1966.
3. Human Rights Committee. General Comment No. 34. Article 19: Freedoms of opinion and expression. CCPR/C/GC/34. 12 September 2011.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (редакция, действующая на 28 июля 2026 г.).
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (редакция, действующая на 28 июля 2026 г.).
6. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ.

7. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 23 декабря 2025 г.).
8. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1.
9. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37.
10. *Костылева О.В.* Разграничение подстрекательства и публичных призывов к совершению преступлений в уголовном праве России XX–XXI вв. // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2024. № 1. С. 159–178. DOI: 10.55959/MSU0130-0113-11-65-1-10.
11. *Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н.* Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2011. 326 с.
12. *Дремлюга Р.И.* Преступность в виртуальном пространстве. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2021. 164 с.
13. *Brandenburg v. Ohio*, 395 U.S. 444 (1969) // Constitution Annotated. Library of Congress.
14. Terrorism Act 2006. Section 1: Encouragement of terrorism // UK Public General Acts.
15. German Criminal Code (Strafgesetzbuch). Section 111: Public incitement to crime; Sections 86a, 130.
16. Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism (CETS No. 196). Warsaw, 16 May 2005.
17. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 21 апреля 2025 г. № 90-ФЗ.
18. Council of Europe. Russia ceased to be a Party to the European Convention on Human Rights on 16 September 2022. Official information of the Council of Europe.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НОРМЫ В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИОРИТЕТОВ

Березин А.С.

Березин Антон Сергеевич – студент

*Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева
(Уральский филиал),
г. Челябинск*

Аннотация: в статье исследуется место норм международного происхождения в системе источников конституционного права Российской Федерации. Рассматривается система источников конституционного права как многоуровневая структура, включающая национальные нормативные правовые акты, внутригосударственные договоры, судебные правовые позиции, общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской Федерации. Отмечается, что современная система источников российского конституционного права развивается в направлении усиления значения конституционной идентичности и дифференциации форм международно-правового взаимодействия.

Ключевые слова: международное право, международные нормы, конституционное право Российской Федерации, международные договоры.

Одной из ключевых категорий конституционно-правовой науки является «источник (форма) права», содержание которой раскрывается с материальной, исторической и формально-юридической сторон. Нас интересует прежде всего формально-юридическая сторона: она позволяет видеть в источнике внешнее выражение, то есть форму существования конституционно-правовых норм. Система источников конституционного права РФ комплексная и многоуровневая: в нее входят Конституция РФ, федеральные конституционные и федеральные законы, конституции (уставы) и законы субъектов Федерации, указы Президента и иные нормативные акты, внутригосударственные договоры, а также занимающие доктринально неоднозначное положение решения Конституционного Суда РФ и акты руководящей практики Верховного Суда РФ. Принципиально, что в этот перечень наука включает и нормы международного происхождения, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры РФ, а в некоторых трактовках и решения межгосударственных органов, что делает вопрос об их месте системообразующим для понимания природы конституционного регулирования современной России. Настоящая статья не претендует на исчерпывающий анализ каждого элемента, общепризнанным принципам, договору и позициям Конституционного Суда посвящены отдельные работы, а дает системную характеристику структуры источников и тех каналов, которыми нормы международного происхождения в нее включаются: прежде чем анализировать содержание этих категорий, нужно установить, обладает ли сама система источников достаточной структурной определенностью, вопрос, ответ на который окажется далеко не столь очевиден, как может показаться при поверхностном обращении к части 4 статьи 15 Конституции РФ.

Отдельного внимания после реформы 2020 года заслуживает Конституционный Суд РФ. В силу п. «б» ч. 5.1 ст. 125 Конституции к его компетенции относится вопрос о том, могут ли исполняться в России решения межгосударственных органов, если они нарушают основы публичного правопорядка; фактически Суд выполняет роль «фильтра» на пути международных решений в национальную систему. Это полномочие тесно связано со ст. 79, дополненной в 2020 году: если межгосударственный орган принимает решение на основании договора России в истолковании, противоречащем Конституции, исполнять его в стране не нужно. Перед нами не случайный эпизод, а логичное продолжение доктрины «конституционной идентичности», сформированной Конституционным Судом. Ее отправная точка – постановление от 14 июля 2015 г. № 21-П по делу об исполнении решений Европейского Суда по правам человека.

Показательно сопоставление отечественной модели приоритета с иными правопорядками. Суд Европейского Союза в деле *Costa v. ENEL* (1964) закрепил безусловный приоритет права ЕС над национальным правом государств-членов, что стало символом единства правового пространства Евросоюза – подход, принципиально отличный от избранной российской моделью приоритета. Это различие не стоит считать исключительно российской особенностью: как отмечает В.С. Нерсисянц, приоритет в праве это не просто юридическая техника, а способ выражения суверенной воли государства в условиях правовой полифонии, а по замечанию А.В. Малько, символический приоритет формирует правосознание участников правоотношений. Иными словами, любая правовая система, включая наднациональную европейскую, устанавливает приоритет источников не произвольно, а исходя из собственных системообразующих ценностей; отличие российской модели, не в самой обусловленности приоритета, а в том, что роль высшей ценности закреплена за национальной Конституцией, а не за наднациональным правопорядком.

Механизм «приоритизации» с распределением сфер регулирования по принципу иерархии значимых интересов характерен для российской правовой системы не только в международно-правовом контексте, но и в отраслевом регулировании – это общий юридико-технический прием, получающий в конституционном праве системообразующее значение. Так, по ст. 2 ТК РФ в трудовых правоотношениях приоритет отдается интересам работника как более слабой стороны; в экологическом праве закреплён приоритет сохранения экологических систем над экономическим развитием; в законодательстве о защите прав потребителей приоритет специальных норм над Гражданским кодексом подтвержден постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17; а в международном частном праве приоритет *lex fori* над *lex causae* обеспечивает процессуальную специализацию и предсказуемость правоприменения. Та же логика действует и в новых областях: в сфере персональных данных приоритет имеют нормы специального закона над Гражданским кодексом, что влечет создание специализированных органов контроля. Эта параллель подтверждает вывод Е.А. Плешакова о том, что приоритет – не просто технико-юридический прием закрепления главенствующего положения в акте, а ключевой элемент архитектуры современного права, отражающий как внутреннюю логику правовой системы, так и ее связь с общественными ценностями; применительно к источникам конституционного права это означает, что включение международно-правовых норм неизбежно сопровождается их «приоритетным ранжированием» относительно национальных ценностей, а не механическим встраиванием без учета иерархии.

Значение изложенного проявляется, прежде всего в том, как после 2022 года меняется устройство международных связей России. Согласно К. В. Степиной, сегодня страна действует в обстановке тяжелого кризиса международной системы и санкций, и ее интересы смещаются от западных структур к евразийским и другим альтернативным многосторонним площадкам.

Подводя итог, публично-правовой механизм участия России в межгосударственных объединениях можно представить, как динамичную систему, которая в 1990-е годы строилась на открытости международному праву, а в 2020-е годы пришла к закреплению первенства национальной конституционной идентичности. Международное право входит в систему источников конституционного права России разными каналами, и эти каналы неоднородны и исторически меняются.

Список литературы

1. Costa v. ENEL, Case 6/64, ECLI:EU:C:1964:66 // Reports of Judgments and Decisions. 1964. P. 585.
2. Варавенко В.Е., Ниязова М.В. Место руководящей судебной практики в механизме правового регулирования // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2026. Т. 18, № 2. С. 187.
3. Малько А.В. Теория государства и права: учебник. 7-е изд. М.: Проспект, 2021. С. 118.
4. Нерсесянц В.С. Философия права. М.: Норма, 2019. С. 78.
5. Плешаков Е.А. Юридические приоритеты уголовно-процессуального права России с позиций общей теории права, закона и судебно-следственной практики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 1 (156). С. 193.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей».
7. Степина К.В. Публично-правовой механизм участия Российской Федерации в межгосударственных объединениях // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 2 (112). С. 54.

КОНСТИТУЦИОННО-СУДЕБНЫЙ МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Березин А.С.

Березин Антон Сергеевич – студент

*Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева
(Уральский филиал),
г. Челябинск*

Аннотация: в статье исследуются особенности судебного механизма реализации норм международного права в правовой системе Российской Федерации. Особое внимание уделяется роли Конституционного Суда Российской Федерации в определении юридического значения решений международных судебных органов и установлении пределов их воздействия на национальный правопорядок. На основе анализа научных позиций и практики Конституционного Суда Российской Федерации раскрываются особенности восприятия международных судебных решений российской правовой системой.

Ключевые слова: международное право, Конституционный Суд Российской Федерации, Европейский Суд по правам человека, судебный прецедент, правовые позиции, международные судебные органы, конституционный контроль, судебная практика, правоприменение.

Значение судебного, в первую очередь конституционно-судебного, механизма реализации международно-правового регулирования дополнительно подчеркивается

и самим текстом Конституции Российской Федерации: согласно части 3 статьи 46, каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обратиться в международные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты. Круг подобных международных органов достаточно широк и не исчерпывается Европейским Судом по правам человека: сюда относятся, в частности, Международный Суд ООН, действующий на основании Статута 1945 г., Комитет по правам человека при ООН, учрежденный для защиты прав, предусмотренных Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 г., Комитет по ликвидации всех форм расовой дискриминации, Комитет по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и ряд иных конвенционных органов. Однако именно Европейский Суд по правам человека на протяжении почти трех десятилетий оставался единственным международным судебным органом, чьи решения по индивидуальным жалобам обладали для российской правовой системы реальным, институционально обеспеченным прецедентным значением, что и предопределяет то внимание, которое отечественная доктрина и судебная практика уделяют именно взаимоотношениям национальных судов с этим органом.

Обращение к вопросу о прецедентной силе постановлений Европейского Суда по правам человека невозможно вне контекста более общей дискуссии о прецедентном характере актов самого Конституционного Суда Российской Федерации. Если М.И. Байтин, следуя традиционной для отечественного правоведения позиции, считал, что ни санкционированный обычай, ни судебный прецедент не являются источниками права в строгом смысле, а лишь его формами, то Б.С. Эбзеев прямо признает прецедентный характер актов Конституционного Суда, указывая, что все его решения являются источниками права и обладают материально-правовой силой закона, а Г.А. Гаджиев идет еще дальше, распространяя категорию судебного прецедента также на решения судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Вопрос о юридической природе постановлений Европейского Суда по правам человека применительно к правовой системе России длительное время оставался дискуссионным. Как систематизирует Ж. И. Овсепян, в отечественной доктрине и правоприменительной практике сложилось несколько подходов к определению круга обязательных для российских судов постановлений ЕСПЧ: согласно наиболее узкой позиции (ее придерживался, в частности, бывший Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека П. А. Лаптев), составной частью правовой системы России являются лишь те постановления ЕСПЧ, которые приняты непосредственно в отношении Российской Федерации, тогда как решения по делам против иных государств формально не входят в российскую правовую систему, хотя и способствуют эволюционному толкованию Конвенции; согласно более широкой позиции, получающей все большее признание, восприятию подлежат решения ЕСПЧ независимо от того, против какого государства, участника Конвенции они вынесены.

Значимым шагом на пути институционализации широкого подхода стало Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2007 г. № 2-П, из которого, по оценке специалистов, однозначно следует, что в правоприменительной деятельности государства подлежат учету все решения ЕСПЧ независимо от того, в отношении какой страны-ответчицы они вынесены. В данном постановлении Конституционный Суд обосновал возможность своего рода «генерализации» правовых позиций Европейского Суда, перехода от учета конкретных дел к формированию мер общего нормативного характера, обязательных не только для судов, но и для федерального законодателя при регулировании общественных отношений.

Изложенное позволяет охарактеризовать сложившуюся в России двухуровневую архитектуру судебного применения норм международного права. На первом,

институциональном уровне Конституционный Суд Российской Федерации выступает своего рода фильтром и интерпретатором: он определяет пределы допустимого воздействия решений международных органов на национальный правовой порядок, формулирует условия генерализации правовых позиций Европейского Суда по правам человека и, при необходимости, блокирует исполнение международных решений, противоречащих основам конституционного строя. На втором, повседневном уровне суды общей юрисдикции применяют нормы международного права преимущественно в форме комплексного правоприменения, в неразрывной связи с отраслевым законодательством, причем глубина такого применения существенно варьируется в зависимости от того, снабжена ли соответствующая область регулирования детальными разъяснениями высшей судебной инстанции. Данная архитектура остается внутренне неравновесной и продолжает трансформироваться под влиянием как внутренних институциональных факторов, так и меняющихся условий функционирования международного правового порядка в целом.

Список литературы

1. *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М.: Право и государство, 2005. С. 260
2. *Гаджиев Г.А.* Феномен судебного прецедента в России // Судебная практика как источник права. М.: Юрист, 2000. С. 100
3. *Зорькин В.Д.* Россия и Конституция в XXI веке. 2-е изд. М.: Норма, 2008. С. 474
4. *Лантев П.А.* Правовые позиции Европейского суда по правам человека и правовая система Российской Федерации // Российское правосудие. 2008. № 11 (31). С. 101–102
5. *Овсепян Ж.И.* Международный судебный прецедент как часть конституционно-правовой системы России // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2014. № 1. С. 52–53.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ „Нижнекамскнефтехим“ и „Хакасэнерго“, а также жалобами ряда граждан»
7. *Эбзеев Б.С.* Толкование Конституции Конституционным Судом Российской Федерации: теоретические и практические проблемы // Государство и право. 1998. № 5. С. 7

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР, ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПА ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ К ИНФОРМАЦИОННЫМ СИСТЕМАМ

Ступаченко Е.В.

*Ступаченко Евгений Викторович – старший научный сотрудник,
отдел научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере оборонно-
промышленного комплекса и социально-экономической сфере НИИ,*

*Университет прокуратуры Российской Федерации,
г. Москва*

Аннотация: в статье анализируются законодательные основы предоставления органам прокуратуры Российской Федерации информации, необходимой для осуществления возложенных на них функций. По итогам исследования установлено, что органы прокуратуры получают информацию по запросам, направляемым в поднадзорные органы на основании Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» и других федеральных законов, соглашений о сотрудничестве и посредством системы межведомственного электронного взаимодействия. Вместе с тем в федеральное законодательство необходимо внести изменения, предоставляющие органам прокуратуры доступ к информационным системам, находящимся в распоряжении органов публичной власти и подведомственных им организаций и учреждений.

Ключевые слова: прокуратура, информационные системы, информационное общество, цифровая трансформация, федеральное законодательство.

В настоящее время информационное общество в России характеризуется широким распространением и доступностью мобильных устройств, беспроводных технологий, сетей связи. Создана система предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме, граждане имеют возможность направить в электронной форме индивидуальные и коллективные обращения в органы публичной власти. Информационные и коммуникационные технологии стали частью современных управленческих систем во всех отраслях экономики, сферах государственного управления, обороны страны, безопасности государства и обеспечения правопорядка. Развитие технологий сбора и анализа данных, обмена ими, управления производственными процессами осуществляется на основе внедрения когнитивных технологий, их конвергенции с нано- и биотехнологиями. Значительное увеличение объема данных, источниками и средствами распространения которых являются промышленные и социальные объекты, различные электронные устройства, приводит к формированию новых технологий. Повсеместное применение таких технологий способствует развитию нового этапа экономики – цифровой экономики и образованию ее экосистемы [1].

Данные обстоятельства обусловили необходимость цифровизации прокурорской деятельности, которая должна обеспечить ликвидацию технологического разрыва между субъектами взаимодействия (органами прокуратуры и объектами прокурорского надзора, органами и организациями, неподнадзорными органам прокуратуры).

В этой связи в системе прокуратуры Российской Федерации поэтапно осуществляется цифровая трансформация, проводимая с учетом Концепции цифровой

трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2030 года, утвержденной приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 11.09.2025 № 621 (далее – Концепция цифровой трансформации) [2]. Как результат в органах и организациях прокуратуры уже внедрены и используются такие программные продукты, как АИК «Надзор-WEB» (предназначенный для ведения ведомственного делопроизводства и документооборота в электронном виде), специальное программное обеспечение – Единый портал прокуратуры Российской Федерации (предназначенное для доступа граждан, юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и органов публичной власти к информации о деятельности прокуратуры), специальное программное обеспечение «Автоматизированное рабочее место «Статистика Генеральной прокуратуры Российской Федерации» (предназначенное для сбора, обработки и формирования статистической отчетности в электронном виде в органах прокуратуры), информационная система межведомственного электронного взаимодействия Генеральной прокуратуры Российской Федерации (предназначенная для обеспечения информационного межведомственного электронного взаимодействия Генеральной прокуратуры Российской Федерации в целях обмена данными с участниками межведомственного электронного взаимодействия), и другие автоматизированные информационные системы и комплексы.

Использование перечисленных информационных технологий, внедряемых на основе Концепции цифровой трансформации, существенно расширяет функциональные возможности органов прокуратуры в условиях развития информационного общества и способствует повышению эффективности прокурорской деятельности на различных её участках. По нашему мнению, только внедрение современных информационных технологий в деятельность органов прокуратуры, осуществляемое с учетом документов стратегического планирования синхронно с процессами цифровизации деятельности органов публичной власти, позволит решить задачи, поставленные перед органами прокуратуры.

Вместе с тем решение задач цифровой трансформации, а также исполнения функций прокуратуры в настоящее время осложняется рядом проблем, одной из которых является недостаточное в современных условиях обеспечение беспрепятственного доступа органов прокуратуры к информационным системам.

В настоящее время органы прокуратуры получают информацию на основании статьи 6 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [3], согласно пункту 2 которой статистическая и иная информация, документы (в том числе электронные документы, подписанные электронной подписью в соответствии с законодательством Российской Федерации), справки и другие материалы или их копии, необходимые при осуществлении возложенных на органы прокуратуры функций, представляются по требованию прокурора безвозмездно в течение пяти рабочих дней с момента поступления требования прокурора руководителю или иному уполномоченному представителю органа (организации), а в ходе проведения проверок исполнения законов – в течение двух рабочих дней с момента предъявления требования прокурора.

Созданная информационно-коммуникационная инфраструктура обеспечивает межведомственное взаимодействие, которое помогает прокурорам получать больше информации и повышать эффективность надзорной деятельности за счет более полного выявления нарушений законов и своевременного реагирования на них. Система межведомственного электронного взаимодействия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, введенная в эксплуатацию приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 10.12.2018 № 816 «О введении в эксплуатацию информационной системы межведомственного электронного взаимодействия Генеральной прокуратуры Российской Федерации», функционирует круглосуточно и предоставляет пользователям системы свыше 50 видов сведений, необходимых для

осуществления прокурорского надзора или при проведении аналитической работы, которыми располагают федеральные органы исполнительной власти и другие ведомства. Например, из МВД России прокуроры получают сведения об административных правонарушениях в области дорожного движения, из Росреестра – сведения о правоустанавливающих документах, из Рослесхоза – сведения из Единого государственного реестра учета древесины. Ежегодно количество пользователей системы и направляемых запросов увеличивается [4, с. 82].

Кроме того, органы прокуратуры Российской Федерации получают информацию из федеральных органов исполнительной власти и других ведомств в соответствии с заключенными с ними соглашениями о сотрудничестве. Такие соглашения имеются у Генеральной прокуратуры Российской Федерации с МВД России, Росфинмониторингом, ФНС России и др.

Указанные сценарии взаимодействия обусловлены направлением органами прокуратуры обладателям информации различного вида запросов (в бумажном или электронном виде), что требует временных затрат как на их подготовку и направление, так и на получение истребуемых сведений. При этом запрашиваемая информация может приходиться не в полных объемах, с задержкой во времени, что может негативно сказаться на ходе и результатах прокурорских проверок, повлечь принятие неверных управленческих решений.

В этой связи в целях оперативного получения прокуратурой необходимой для осуществления своих функций информации может быть рекомендовано предоставить Генеральной прокуратуре Российской Федерации и нижестоящим органам прокуратуры доступ к информационным системам государственного, муниципального и иных уровней, который должен осуществляться в режиме он-лайн и не быть обусловлен направлением каких-либо запросов со стороны прокуратуры либо дополнительных согласований (разрешений) операторов информационных систем. Такой подход, на наш взгляд, помимо реализации технологических решений, должен базироваться на соответствующих законодательных актах.

Следует отметить, что подобный сценарий межведомственного взаимодействия уже частично реализован применительно к надзору за исполнением законов в отдельных сферах экономики. Так, Федеральный закон от 13.07.2020 № 202-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5] дополнил статью 23⁴ Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» частью 6¹, согласно которой органы прокуратуры имеют доступ к информации единой информационной системы жилищного строительства, необходимой им для осуществления прокурорского надзора, в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. В соответствии с пунктом 3 Правил доступа органов прокуратуры к размещенной в единой информационной системе жилищного строительства информации, необходимой им для осуществления прокурорского надзора, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 17.07.2021 № 1220 [6], доступ органа прокуратуры к информации, размещенной в закрытой части информационной системы, осуществляется путем использования личного кабинета органа прокуратуры, ведение которого осуществляется оператором информационной системы. Федеральный закон от 03.04.2023 № 99-ФЗ «О внесении изменения в статью 8⁸ Федерального закона «О государственном оборонном заказе» [7] предоставил Генеральной прокуратуре Российской Федерации доступ к информации, содержащейся в единой информационной системе государственного оборонного заказа, в порядке, установленном федеральным органом в области обороны по

согласованию с контролирующим органом и органом финансового мониторинга. Согласно пункту 4 Порядка предоставления доступа к информации, содержащейся в единой информационной системе, содержащей информацию о расчетах по государственному оборонному заказу, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 06.11.2015 № 675 [8], Генеральной прокуратуре Российской Федерации доступ к информации предоставляется на основании заключенного с Министерством обороны Российской Федерации соглашения об информационном взаимодействии, предусматривающего предоставление доступа к информации.

Представляется, что такой алгоритм может быть реализован и в отношении доступа органов прокуратуры к иным информационным системам. В настоящее время единого (централизованного) перечня государственных, муниципальных и иных информационных систем нет. Подобные перечни имеются на официальных сайтах федеральных органов исполнительной власти и иных органов. Например, на сайте ФНС России указано 6 государственных информационных систем (автоматизированная информационная система «Налог-3», федеральная информационная адресная система, федеральная государственная информационная система «Единый государственный реестр записей актов гражданского состояния», федеральная государственная информационная система «Единый регистр населения», государственная информационная система «Капиталовложения», государственная информационная система «Интегрированная система администрирования косвенных налогов Российской Федерации и Республики Беларусь») [9]. Доступ органов прокуратуры к данным указанных информационных систем, сопоставление их содержания с иной юридически значимой информацией, в частности, позволит более эффективно пресекать нарушения законов о противодействии коррупции, выявлять деятельность фирм - «однодневок» и иных «технических» организаций и др.

Реализация высказанных предложений потребует внесения соответствующих изменений в федеральное законодательство. Так, пункт 2 статьи 6 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-І «О прокуратуре Российской Федерации» предлагается дополнить абзацем третьим следующего содержания:

«Предоставление органам прокуратуры информации, содержащейся в государственных и муниципальных информационных системах, иных информационных системах, осуществляется в соответствии с законодательством об информации, информационных технологиях и о защите информации.»

В свою очередь статью 13 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [10] предлагается дополнить частью 2⁵ следующего содержания:

«2⁵. Операторы государственных информационных систем, муниципальных информационных систем, информационных систем государственных и муниципальных унитарных предприятий, и учреждений предоставляют Генеральной прокуратуре Российской Федерации доступ к информации, содержащейся в находящихся в их ведении информационных системах в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. В отношении оборота предоставленной Генеральной прокуратуре Российской Федерации информации соблюдаются требования законодательства Российской Федерации о государственной, служебной, банковской, коммерческой, налоговой, а также иной охраняемой законом тайне.»

Представляется, что внесение указанных изменений в федеральное законодательство обеспечит возможность использования цифровых инструментов для оперативной реализации надзорной функции прокуратуры, выявления признаков нарушений законов на основе анализа оцифрованных данных объектов надзора.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.
2. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 11.09.2025 № 621 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2030 года, а также о внесении изменений в отдельные организационно-распорядительные документы Генерального прокурора Российской Федерации» // Законность. 2025. № 11.
3. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.
4. *Ступаченко Е.В.* Цифровизация организации прокурорской деятельности как необходимое условие функционирования органов прокуратуры в условиях развития информационного общества // Административное право и процесс. 2024. № 9. С. 81-84.
5. Федеральный закон от 13.07.2020 № 202-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // 2020. № 29. Ст. 4512.
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 17.07.2021 № 1220 «Об утверждении Правил доступа органов прокуратуры к размещенной в единой информационной системе жилищного строительства информации, необходимой им для осуществления прокурорского надзора» // СЗ РФ. 2021. № 30. Ст. 5797.
7. Федеральный закон от 03.04.2023 № 99-ФЗ «О внесении изменения в статью 8⁸ Федерального закона «О государственном оборонном заказе» // СЗ РФ. 2023. № 14. Ст. 2376.
8. Приказ Министра обороны Российской Федерации от 06.11.2015 № 675 «Об утверждении Порядка предоставления доступа к информации, содержащейся в единой информационной системе, содержащей информацию о расчетах по государственному оборонному заказу» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2016. № 2.
9. Официальный сайт Федеральной налоговой службы [электронный ресурс] URL:https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/gos_inf/ (дата обращения: 13.08.2026).
10. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРОБЛЕМЫ НАУКИ»**

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
153000, РФ, ИВАНОВСКАЯ ОБЛ., Г. ИВАНОВО,
УЛ. КРАСНОЙ АРМИИ, Д. 20, 3 ЭТАЖ, КАБ. 3-3,
ТЕЛ.: +7 (915) 814-09-51.

**[HTTPS://LEGALSCIENCE.RU](https://legalscience.ru)
E-MAIL: [INFO@P8N.RU](mailto:info@p8n.ru)**

ТИПОГРАФИЯ:
ООО «ОЛИМП».
153000, РФ, ИВАНОВСКАЯ ОБЛ., Г. ИВАНОВО,
УЛ. КРАСНОЙ АРМИИ, Д. 20, 3 ЭТАЖ, КАБ. 3-3

ИЗДАТЕЛЬ:
ООО «ОЛИМП»
153002, РФ, ИВАНОВСКАЯ ОБЛ., Г. ИВАНОВО, УЛ. ЖИДЕЛЕВА, Д. 19
УЧРЕДИТЕЛЬ: ВАЛЬЦЕВ СЕРГЕЙ ВИТАЛЬЕВИЧ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОБЛЕМЫ НАУКИ»

[HTTPS://WWW.SCIENCEPROBLEMS.RU](https://www.scienceproblems.ru)

EMAIL: INFO@P8N.RU, +7(915)814-09-51

РЕЕСТРОВАЯ ЗАПИСЬ ПИ № ФС 77-62020

Федеральное агентство по печати
и массовым коммуникациям

INTERNATIONAL
DOI FOUNDATION

**НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»
В ОБЯЗАТЕЛЬНОМ ПОРЯДКЕ РАССЫЛАЕТСЯ:**

1. ФГБУ "Российская государственная библиотека".
Адрес: 143200, г. Можайск, ул. 20-го Января, д. 20, корп. 2.
2. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ.
Адрес: 127006, г. Москва, ГСП-4, Страстной б-р, д. 5.
3. Библиотека Администрации Президента Российской Федерации. А
дрес: 103132, г. Москва, Старая площадь, д. 8/5.
4. Парламентская библиотека Российской Федерации.
Адрес: 125009, г. Москва, ул. Охотный Ряд, д. 1.
5. Научная библиотека Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова (МГУ), Москва.
Адрес: 119192, г. Москва, Ломоносовский просп., д. 27.

ПОЛНЫЙ СПИСОК НА САЙТЕ ЖУРНАЛА: [HTTPS://LEGALSCIENCE.RU](https://legalscience.ru)

ISSN (print) 2412-8228

ISSN (online) 2541-7800

Вы можете свободно делиться (обмениваться) — копировать и распространять материалы
и создавать новое, опираясь на эти материалы, с ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ указанием авторства.
Подробнее о правилах цитирования: <https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/deed.ru>

ЦЕНА СВОБОДНАЯ